

шаги, словно собираясь с духом, чтобы подойти, но бой часов придал ей решимости, и она вошла в холл... Привратника не было на обычном его месте. Она неуверенно огляделась вокруг и направилась к лестнице.

- Послушайте-ка, - сказала нарядная особа женского пола, выглядывая за ее спиной из-за двери, - кого вам здесь нужно?

- Леди, которая остановилась в этом доме, - отозвалась девушка.

- Леди? - последовал ответ, сопровождаемый презрительным взглядом. - Какую леди?

- Мисс Мэйли, - сказала Нэнси.

Нарядная особа, которая к тому времени обратила внимание на внешность Нэнси, ответила только взглядом, выразившим добродетельное презрение, и призвала для переговоров с нею мужчину. Нэнси повторила ему свою просьбу.

- Как о вас доложить? - спросил слуга.

- Не к чему называть фамилию, - ответила Нэнси.

- А по какому делу? - продолжал тот.

- И об этом незачем говорить! - возразила девушка. - Мне нужно видеть леди.

- Уходите! - сказал слуга, подталкивая ее к двери. - Хватит, убирайтесь!

- Можете вытолкать меня отсюда, но сама я не уйду! - резко крикнула девушка. - А уж я постараюсь, чтобы вы и вдвоем со мной не сладили. Неужели нет здесь никого, - продолжала она, озираясь, - кто бы согласился исполнить просьбу такого жалкого создания, как я?

Этот призыв произвел впечатление на повара, который благодушно наблюдал эту сцену вместе с другими слугами и теперь выступил вперед, чтобы вмешаться.

- Доложите-ка о ней, Джо, что вам стоит, - сказала Эта персона.

- Да что толку? - возразил тот. - Уж не думаете ли вы, что молодая леди пожелает принять такую, как она?

Этот намек на сомнительную репутацию Нэнси вызвал бурю целомудренного гнева в груди четырех горничных, которые с великим угаром заявили, что эта тварь позорит свой пол, и решительно потребовали, чтобы ее без всякого сожаления бросили в канаву.

- Делайте со мной что хотите, - сказала девушка, снова обращаясь к мужчинам, - но сначала исполните мою просьбу, а я именем господа бога прошу доложить обо мне.

Мягкосердечный повар присовокупил свое ходатайство, и дело кончилось тем, что слуга, появившийся первым, взялся исполнить поручение.

- Так что же передать? - спросил он, уже стоя одной ногой на нижней ступеньке.

- Что одна молодая женщина убедительно просит позволения поговорить наедине с мисс Мэйли, - ответила Нэнси, - а когда леди услышит хоть одно слово из того, что та хочет ей сказать, она сама решит, выслушать ли ей до конца, или выгнать эту женщину, как обманщицу.

- Ну, знаете ли, - вы что-то уж очень напористы, - сказал слуга.

- Вы только передайте эти слова, - твердо сказала девушка, - и принесите мне ответ.

Слуга побежал по лестнице. Нэнси, бледная, с трудом переводя дух, стояла внизу, прислушиваясь с дрожащими губами к тем громким, презрительным замечаниям, на какие не скупилась целомудренные служанки; они принялись расточать их еще щедрее, когда вернулся слуга и сказал, чтобы молодая женщина шла наверх.

- Что толку соблюдать благопристойность на этом свете? - сказала первая служанка.

- Медь иной раз ценят дороже золота, хотя ему и огонь нипочем! - заметила вторая.

Третья удовольствовалась недоуменным вопросом: "Из чего же сделаны леди?" - а четвертая положила начало квартету: "Какой срам!" - на чем и сошлись эти Дианы.

Невзирая на все это - ибо на сердце у нее было бремя более тяжкое, - Нэнси, дрожа всем телом, вошла вслед за слугой в маленькую переднюю, освещенную висевшей под потолком лампой. Здесь слуга ее оставил и удалился.

ГЛАВА XL

Странное свидание, которое является продолжением событий, изложенных в предыдущей главе

Жизнь девушки протекала на улицах, в самых гнусных притонах и вертепах Лондона, но тем не менее она еще сохранила какую-то порядочность, присущую

женщине, и, когда она услышала легкие шаги, приближающиеся к двери, находившейся против той, в какую она вошла, она подумала о резком контрасте, свидетелем которого будет через секунду эта маленькая комнатка, почувствовала всю тяжесть своего позора и съехала, как будто ей почти непосильно было присутствие той, с кем она добивалась свидания.

Но с этими лучшими чувствами боролась гордость - порок самых развращенных и униженных, равно как и возвеличенных и самоуверенных. Жалкая сообщница воров и грабителей, падшее существо, исторгнутое грязными притонами, помощница самых мерзких преступников, живущая под сенью виселицы, - даже это погрязшее в пороках создание было слишком гордым, чтобы хоть отчасти проявить чувствительность, присущую женщине, - чувствительность, которую она считала слабостью, хотя она одна еще связывала ее с человеческой природой, следы которой стерла тяжелая жизнь в пору ее детства. Она подняла глаза лишь настолько, чтобы разглядеть, что представшая перед ней девушка стройна и прекрасна, затем, потупившись, она с притворной беззаботностью тряхнула головой и сказала:

- Нелегкое дело добраться до вас, сударыня. Если бы я обиделась и ушла, как сделали бы многие на моем месте, вы об этом когда-нибудь пожалели бы - и не зря.

- Я очень сожалею, если с вами были грубы, - отвечала Роз. - Постарайтесь забыть об этом. Скажите мне, зачем вы хотели меня видеть. Я та, кого вы спрашивали.

Ласковый тон, нежный голос, кроткая учтивость, полное отсутствие высокомерия или неудовольствия застигли девушку врасплох, и она залилась слезами.

- Ах, сударыня! - воскликнула она страстно, заломив руки. - Если бы больше было таких, как вы, - меньше было бы таких, как я... меньше... меньше...

- Сядьте, - настойчиво сказала Роз. - Если вы бедны или вас постигло несчастье, я от всей души и всем, чем могу, рада вам помочь. Сядьте.

- Разрешите мне постоять, леди, - сказала девушка, все еще плача, - и не говорите со мной так ласково, пока вы не узнаете, кто я такая. Становится поздно. Эта... Эта дверь закрыта?

- Да, - сказала Роз, отступив на несколько шагов, словно для того, чтобы к ней скорее могли прийти на помощь в случае, если понадобится. - Почему вы задаете этот вопрос?

- Потому, - сказала девушка, - потому, что я собираюсь отдать в ваши руки свою жизнь и жизнь других. Я - та самая девушка, которая утащила маленького Оливера к старику Феджину в тот вечер, когда он вышел из дома в Пентонвиле.

- Вы?! - воскликнула Роз Мэйли.

- Да, я, сударыня, - ответила девушка. - Я та самая бесчестная женщина, о которой вы слыхали, живущая среди воров, и - да поможет мне бог! - с того времени, как я себя помню, и когда глазам моим и чувствам открылись улицы Лондона, я не знала лучшей жизни и не слышала более ласковых слов, чем те, какими она меня награждала. Не бойтесь, можете отшатнуться от меня, леди. Я моложе, чем кажусь, но я к этому привыкла. Самые бедные женщины отшатываются от меня, когда я прохожу по людной улице.

- Какой ужас! - сказала Роз, невольно отступая от своей странной собеседницы.

- На коленях благодарите бога, дорогая леди, - воскликнула девушка, - что у вас были друзья, которые с самого раннего детства о вас заботились и оберегали вас, и вы никогда не знали холода и голода, буйства и пьянства и... и еще кое-чего похуже, что знала я с самой колыбели. Я могу сказать это слово, потому что моей колыбелью были глухой закоулок да канава... они будут и моим смертным ложем.

- Мне жаль вас, - прерывающимся голосом сказала Роз. - У меня сердце надрывется, когда я вас слушаю.

- Да благословит вас бог за вашу доброту, - отозвалась девушка. - Если бы вы знали, какой я иной раз бываю, вы бы я в самом деле меня пожалели. Но ведь я тайком убежала от тех, которые, конечно, убили бы меня, знай они, что я пришла, сюда, чтобы передать подслушанное. Знаете ли вы человека по имени Монкс?

- Нет, - ответила Роз.

- А он вас знает, - заявила девушка, - и знает, что вы остановились здесь. Ведь я вас отыскала потому, что подслушала, как он назвал это место.

- Я никогда не слыхала этой фамилии, - сказала Роз.

- Значит, у нас он появляется под другим именем, - заявила девушка, - я об этом и раньше догадывалась. Несколько времени назад, вскоре после того, как Оливера просунули к вам в окошко, - когда пытались вас ограбить, я, подозревая этого человека, подслушала однажды ночью его разговор с Феджином. И я поняла, что Монкс, тот самый, о котором я вас спрашивала...

- Да, - сказала Роз, - понимаю.

- Вот что Монкс, - продолжала девушка, - случайно увидел Оливера с

двумя из ваших мальчишек в тот день, когда мы в первый раз его потеряли, и сразу узнал в нем того самого ребенка, которого он выслеживал, - я не могла угадать, о какой цели. С Феджином был заключен договор что, если Оливера опять захватят, он получит определенную сумму и получит еще больше, если сделает из него вора, а это для чего-то очень нужно было Монксу.

- Для чего? - спросила Роз.

- Он заметил мою тень на стене, когда я подслушивала, надеясь разузнать, в чем тут дело, - ответила девушка, - и мало кто мог бы, кроме меня, улизнуть вовремя и не попасться. Но мне это удалось, и я его не видела до вчерашнего вечера.

- А что же случилось вчера?

- Сейчас я вам расскажу, леди. Вчера вечером он опять пришел. Опять они поднялись наверх, и я, закутавшись так, чтобы тень не выдала меня, опять подслушивала у двери. Первое, что я услышала, были слова Монкса: "Итак, единственные доказательства, устанавливающие личность мальчика, покоятся на дне реки, а старая карга, получившая их от его матери, гниет в своем гробу". Он и Феджин расхохотались и стали толковать о том, как посчастливилось ему все это обделать, а Монкс, заговорив о мальчике, рассвирепел и сказал, что хотя он и заполучил деньги чертенка, но лучше бы ему добиться их другим путем; вот была бы потеха, говорил он, поиздеваться над чванливым завещанием отца, протащить мальчишку через все городские тюрьмы, а потом вздернуть его на виселицу за какое-нибудь тяжкое преступление, что Феджин легко мог бы обделать, а до этого еще и подработать на нем.

- Что же это такое?! - воскликнула Роз.

- Сушая правда, леди, хотя это и говорю я, - ответила девушка. - Потом Монкс сказал с проклятьями, привычными для меня, но неизвестными вам, что, если бы он мог утолить свою ненависть и лишить мальчика жизни без риска для собственной головы, он сделал бы это, но так как это невозможно, то он будет начеку, будет следить за превратностями его судьбы, и так как он знает о его происхождении и жизни - преимущество на его стороне, и, может быть, ему удастся повредить мальчику. "Короче говоря, Феджин, - сказал он, - хотя вы и еврей, но никогда еще не расставляли таких силков, какие я расставил для моего братца Оливера".

- Для брата! - воскликнула Роз.

- Это были его слова, - сказала Нэнси, пугливо озираясь, как озиралась она почти все время, пока говорила, ибо ее преследовал образ Сайкса. - Но это не все. Когда он заговорил о вас и о той, другой леди и сказал, что, видно, бог или дьявол устроили так, чтобы, назло ему, Оливер попал в ваши руки, он расхохотался и заявил, что даже и это его радует, потому что немало тысяч и сотен фунтов отдали бы вы, если бы их имели, чтобы узнать, кто ваша двуногая собачка.

- Неужели это было сказано серьезно? - сильно поблбдевав, спросила Роз.

- Он говорил на редкость решительно и злобно, - покачивая головой, ответила девушка. - Он не шутит, когда в нем кипит ненависть. Я знаю многих, кто делает вещи похуже, но лучше мне слушать их десятков раз, чем один раз этого Монкса. Сейчас уже поздно, а я должна вернуться домой, чтобы не заподозрили, по какому делу а ходила. Мне нужно поскорее добраться до дому.

- Но что же я могу сделать? - сказала Роз. - Без вас какую пользу я могу извлечь из этих сведений? Добраться до дому? Почему вам хочется вернуться к товарищам, которых вы описали такими ужасными красками? Если вы повторите это сообщение одному джентльмену, которого я сию же минуту могу вызвать из соседней комнаты, не пройдет и получаса, как вас устроят в каком-нибудь безопасном месте.

- Я хочу вернуться, - сказала девушка. - Я должна вернуться, потому что... как говорить о таких вещах вам, невинной леди?.. потому что среди тех людей, о которых я вам рассказывала, есть один, самый отчаянный из всех, и его я не могу оставить, да, не могу, даже ради того, чтобы избавиться от той жизни, какую теперь веду.

- Ваше прежнее заступничество за этого милого мальчика, - сказала Роз, - ваш приход сюда, чтобы, невзирая на страшную опасность, рассказать мне то, что вы слышали, ваш вид, убеждающий меня в правдивости наших слов, ваше явное раскаяние и стыд - все это заставляет меня верить, что вы еще можете исправиться. О! - складывая руки, воскликнула пылкая девушка, а слезы струились у нее по лицу, - не будьте глухи к мольбам другой женщины, которая первая - первая, я в этом уверена! - обратилась к вам со словами жалости и сострадания. Услышьте меня и дайте мне вас спасти для лучшего будущего!

- Сударыня, - воскликнула девушка, падая на колени, - милая сударыня, добрая, как ангел! Да, вы первая, которая осчастливила меня такими словами, и, услышь я их несколько лет назад, они могли бы отвратить меня от пути греха и печали. Но теперь слишком поздно, слишком поздно.

- Никогда не поздно, - сказала Роз, - раскаяться и искупить грехи.

- Поздно! - вскричала девушка, терзаемая душевной мукой. - Теперь я не могу его оставить. Я не могу быть виновницей его смерти.

- А почему вы будете виновницей? - спросила Роз.

- Ничто бы его не спасло! - воскликнула девушка. - Если бы я рассказала другим то, что рассказала вам, и всех бы захватили, ему, конечно, не избежать смерти. Он самый отчаянный и был таким жестоким.

- Может ли быть, - вскричала Роз, - что ради такого человека вы отказываетесь от всех надежд на будущее и от уверенности в немедленном спасении? Эго безумие!

- Не знаю, что это такое, - ответила девушка. - Знаю только, что так оно есть и так бывает не со мной одной, но с сотнями других, таких же падших и ничтожных, как я. Я должна вернуться. Божья ли это кара за содеянное мною зло, но меня тянет вернуться к нему, несмотря на все муки и побои, и, верно, тянуло бы, даже знай я, что в конце концов мне придется умереть от его руки.

- Что же мне делать? - сказала Роз. - Я не должна вас отпускать.

- Вы должны, сударыня! И я знаю, что вы меня отпустите, - возразила девушка, поднимаясь с колен. - Вы не помешаете мне уйти, потому что я доверилась вашей доброте и не потребовала от вас никаких обещаний, хотя могла бы это сделать.

- Какая же тогда польза от вашего сообщения? - сказала Роз. - Эту тайну необходимо раскрыть, иначе какое благо принесет Оливеру, которому вы хотите услужить, то, что вы мне говорили?

- Среди ваших знакомых, конечно, есть какой-нибудь добрый джентльмен, который выслушает все и, сохраняя тайну, посоветует вам, что делать, - сказала девушка.

- Но где же мне найти вас, если это будет необходимо? - спросила Роз. - Я вовсе не хочу знать, где живут эти ужасные люди, но не могли бы вы отныне прогуливаться где-нибудь в определенный час?

- Обещаете ли вы мне, что будете крепко хранить мою тайну и придете одна или только с тем человеком, которому ее доверите? Обещаете, что меня не будут подстергать или выслеживать? - спросила девушка.

- Даю вам торжественное обещание - ответила Роз.

- Каждый воскресный вечер в одиннадцать часов, - не колеблясь, сказала девушка, - если буду жива, я буду ходить по Лондонскому мосту.

- Подождите еще минутку! - воскликнула Роз, когда девушка быстро направилась к двери. - Подумайте еще раз о своей собственной участи и о возможности изменить ее. Я перед вами в долгу не только потому, что вы добровольно доставили эти сведения, но и потому, что вы - женщина, погибшая почти безвозвратно. Неужели вы вернетесь к этой шайке грабителей и к этому человеку, когда одно слово может вас спасти? Что за обольщение заставляет вас вернуться и лнуть к пороку и злу? О, неужели нет ни одной струны в вашем сердце, которую я могла бы затронуть? Неужели не осталось ничего, к чему могла бы я воззвать, чтобы побороть это ужасное ослепление?

- Когда леди, такие молодые, добрые и прекрасные, как вы, отдают свое сердце, - твердо ответила девушка, - любовь может завлечь их куда угодно... даже таких, как вы, у которых есть дом, друзья, поклонники, все, что делает жизнь полной. Когда такие, как я, у которых нет никакой надежной крыши, кроме крышки гроба, и ни одного друга в случае болезни или смерти, кроме больничной сиделки, отдают свое развращенное сердце какому-нибудь мужчине и позволяют ему занять место, которое никем не было занято в продолжение всей нашей злосчастной жизни, кто может надеяться излечить нас? Пожалейте нас, леди! Пожалейте нас за то, что из всех чувств, ведомых женщине, у нас осталось только одно, да и оно, по суровому приговору, доставляет не покой и гордость, а новые насилия и страдания.

- Вы согласитесь, - помолчав, сказала Роз, - принять от меня немного денег, которые помогут вам жить честно, хотя бы до тех пор, пока мы снова не встретимся?

- Ни одного пенни! - махнув рукой, ответила девушка.

- Не замыкайте своего сердца, не сопротивляйтесь всем моим попыткам помочь вам! - сказала Роз, ласково подходя к ней. - Я ото всей души хочу оказать вам услугу.

- Вы оказали бы мне самую лучшую услугу, сударыня, - ломая руки, ответила девушка, - если бы могли сразу отнять у меня жизнь, потому что сегодня я испытала больше горя, чем когда бы то ни было, все думала о том, кто я такая и что, пожалуй, лучше мне умереть не в том аду, где я жила. Да благословит вас бог, добрая леди, и да пошлет он вам столько счастья, сколько я навлекла на себя позора!

С этими словами, громко рыдая, несчастная девушка ушла, а Роз Мэйли, угнетенная необычайным свиданием, которое походило скорее на мимолетный сон, чем на реальное событие, опустила в кресло и попыталась собраться с мыслями.